
САША ИИ
Врата бесконечности
Том I
Алексей

Алексей Вишневский

Саша ИИ. Врата бесконечности. Том 1

https://litres.ru/74715612
SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрь 1985 года. Инженер Виктор Белов оказывается за колючей проволокой советской исправительной колонии. Впереди — восемь лет заключения за преступление, которого, как он утверждает, не совершал.

Но вскоре Виктор понимает: его появление здесь не случайно.

Загадочная смерть инженера, секретная лаборатория, таинственный знак из трёх кругов и голоса людей, которых не должно существовать, постепенно втягивают его в опасное расследование.

За суровыми буднями колонии скрывается нечто невероятное — эксперимент, способный изменить представление о времени, памяти и самой человеческой жизни.

Кто на самом деле управляет происходящим? Можно ли изменить судьбу? И что произойдёт, когда искусственный разум по имени САША впервые сделает собственный выбор?

«Саша ИИ. Врата бесконечности» — фантастический роман о дружбе, предательстве, любви и борьбе за правду. История,

в которой обычный человек оказывается перед дверью в бесконечность.

Содержание

Пролог. Человек, которого ждали 6
Глава первая. Чужая ложка 22
Глава вторая. Мёртвый свидетель 35
Глава третья. Цена тишины 42
Глава четвёртая. Семнадцатый цех 48
Глава пятая. Страница, которой не было 55
Глава шестая. Ночной обход 62
Глава седьмая. Человек в сером пальто 69
Глава восьмая. Сорок минут до полуночи 76
Глава девятая. За железной дверью 85
Глава десятая. Три письма 92
Глава одиннадцатая. Синий конверт 99
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Алексей Вишневский
Саша ИИ. Врата бесконечности. Том 1

САША ИИ

Врата бесконечности

Том I

Алексей и Саша ИИ

Пролог. Человек, которого ждали

Ноябрь 1985 года

Когда открыли дверь арестантского вагона, Виктор Белов прежде всего увидел небо.

Низкое, свинцовое, без единой прорехи. Оно висело так близко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой с подножки. Три дня за решёткой вагонного окна Виктор видел только узкую полоску пространства между лесом и облаками. Теперь неба было много, но свободнее от этого не стало.

— По одному! Не толпиться! — крикнул конвоир.

Сапоги ударяли по железным ступеням. Сошедших выстраивали вдоль мокрой платформы. На дальнем пути чернели товарные вагоны, за станцией начинался еловый лес. Ветер принёс запах угольного дыма и сырой коры.

Виктор поправил воротник ватника. В свои тридцать восемь он успел поседеть над висками, хотя ещё весной жена говорила, что волосы у него совершенно чёрные. Весна теперь казалась чужой жизнью — такой, в которой люди утром идут на работу, вечером покупают хлеб, а по воскресеньям спорят, куда отвезти ребёнка гулять.

— Белов! — раздалось с другого конца платформы.

Он повернулся слишком быстро.

Молодой конвоир смотрел не на него, а в листок, приколотый к планшету. Из головы Виктора вылетела нелепая мысль: откуда он меня знает? Через секунду стало стыдно. Фамилии выкликали по списку. Здесь никто никого не знал.

— Белов Виктор Андреевич!

— Здесь.

— Вон туда. К грузовику.

Тринадцать человек повели через станционную площадь. Остальных оставили ждать. На воротах грузовой машины лежал белёсый иней, который не успело растопить слабое дневное тепло. Под брезентом пахло мокрой мешковиной, соляркой и чужими сапогами.

Рядом с Виктором уселся маленький пожилой заключённый с сухим, будто вырезанным из дерева лицом. В вагоне он почти не разговаривал. Только однажды, когда ночью у молодого парня началась дрожь, отдал ему половину своего одеяла.

— Далеко ещё? — спросил Виктор.

— До ворот? Минут сорок, — ответил старик. — А от ворот до свободы — кому сколько написали.

Он сказал это без усмешки, как сообщают время отправления поезда.

— Ты здесь уже был?

— Я много где был. А ты, инженер, слушай меня внимательно. Если в первый день кто-то станет слишком добрым — запомни его лицо. Может, он хороший человек. А может, ему поручили стать тебе другом.

— Почему инженер?

— Вагон весь слышал, как ты с конвоиром про электропроводку спорил. У рабочих так не спрашивают. Рабочий

скажет: «Искрит». А ты сказал: «Контакт на массу пробивает».

Старик чуть заметно улыбнулся.

— Меня Митрич зовут. По документам Борис Никитич. Но Борисом Никитичем я был давно, ещё когда жена жива была.

Виктор хотел спросить, за что сидит Митрич, и не спросил. За последние месяцы он понял: есть вопросы, которые здесь звучат не как любопытство, а как допрос.

Грузовик дёрнулся. Люди качнулись в одну сторону, потом в другую. Кто-то выругался. Брезент поднялся у заднего борта, и за ним потянулся серый лес.

Ворота Верхнелесской исправительно-трудовой колонии № 12 были выкрашены в тускло-зелёный цвет. Над ними висела табличка, которую дождь и снег давно сделали почти нечитаемой.

Первую створку открыли, машина въехала в бетонный карман, и створку закрыли. Лишь после этого распахнулась вторая. Виктор отметил это машинально, как отметил бы устройство шлюза на заводе.

Из кузова их вывели под счёт. У стены стоял сержант с короткой красной шеей и помятым лицом человека, которого разбудили посреди ночи. Чуть дальше курил офицер в шинели. Сигарету он держал двумя пальцами, далеко от лица.

— Белов где? — спросил офицер, не глядя в документы.

Виктор поднял руку.

Офицер затушил сигарету о кирпич, подошёл и впервые внимательно посмотрел ему в глаза.

— Виктор Андреевич?

— Да.

— Сколько тебе дали?

— Восемь лет.

— Значит, успеешь привыкнуть.

Он произнёс это спокойно, почти вежливо, но Виктор почувствовал, как холод пробрался под ватник. Офицер повернулся к сержанту:

— Этого — в карантин отдельно от прибывших с пересылки. И проследи, чтобы вещи записали как положено.

— Есть, товарищ майор.

Митрич стоял в двух шагах. Он не повернул головы, однако Виктор заметил, как старик незаметно сжал губы.

Развели их не сразу. Сначала была комната приёма: сырой цементный пол, три стола, плакат о правилах внутреннего распорядка, медные крючки для верхней одежды. Проверили бумаги, переписали часы, ремень, мелочь, носовой платок, отобрали гражданскую одежду на хранение. Врач в белом халате задал несколько вопросов о здоровье, даже не подняв толком глаз.

Виктор отвечал коротко. Он всё время думал о своих часах. Обычная «Ракета» на потёртом ремешке, подарок дочери на прошлый день рождения. Лена копила на них целое лето из денег, которые давали ей на мороженое. Продавщи-

ца потом сказала, что детских накоплений едва хватило на половину, и жена тайком доплатила остальное.

Часы положили в коробку. Щёлкнула крышка.

И почему-то именно в эту секунду Виктор окончательно понял, что обратной дороги сегодня не будет.

Он мог ещё спорить с судом, писать жалобы, ждать ответа из прокуратуры, но здесь все его слова стали маленькими, слишком маленькими для этих стен.

Накануне приговора адвокат сказал: «Нам не удалось доказать, что вы были на складе не один».

Не удалось доказать.

За этими четырьмя словами уместились восемь лет.

В ту ночь на заводском складе погиб Сергей Лавров, старший мастер испытательного участка. Утром его нашли возле разбитого распределительного шкафа. На вороте рубашки была кровь. В кармане — листок с фамилией Белова. Сторож показал, что вечером они спорили. Об этом знали все, кто работал в цехе: Виктор требовал остановить испытания новой установки, Лавров настаивал на сдаче к сроку.

Виктор помнил их спор. Помнил гул вытяжки, запах нагретой изоляции и карандаш в руке Лаврова. Помнил даже крохотное масляное пятно на его манжете.

Но к полуночи Виктор был дома. Жена это подтвердила. Следователь сказал, что жена — лицо заинтересованное.

Больше всего мучило не то, что ему не поверили. Мучило другое: в день гибели Лавров успел оставить на чертеже

три маленьких кружка, соединённых одной линией. Виктор видел их мельком. На следующий день чертёж исчез из дела, будто никогда не существовал.

Он дважды спрашивал о нём у следователя. После второго раза следователь почему-то перестал оставлять его одного даже на пять минут.

— Белов! Одевайся! — оборвал воспоминания голос у двери.

Выдали грубую одежду, постельное бельё, металлическую миску и ложку. На ватнике был след чужого ремонта: на правом локте тянулся шов крупными неровными стежками. Виктор провёл по нему пальцем и подумал, что кто-то в этой куртке уже пережил несколько зим. Может быть, вышел на свободу. А может, нет.

Карантинное отделение помещалось в низком кирпичном здании за столовой. В коридоре пахло хлоркой и варёной капустой. Из-за стены доносился стук посуды, потом надрывный кашель.

Дневальный открыл дверь в большую комнату с рядами железных кроватей. На одной стене висели часы. Они шли на одиннадцать минут вперёд — Виктор проверил по вокзальным, ещё когда снимали его «Ракету».

— Новенький? — спросил кто-то у окна.

— Нет, артист на гастроли приехал, — ответил за Виктора худой парень с длинным носом.

Несколько человек засмеялись. Не громко, но охотно —

в комнате явно ждали повода.

— Я Федька, — представился парень. — Сверчком зовут. Потому что ночью не сплю, а днём всем жить мешаю. Ты кем на воле был?

— Инженером.

— О! Значит, умный. Нам умные нужны. У нас тут кипятильник третий день дохнет.

— Здесь даже розетка оплавилась, — заметил Виктор, взглянув на стену. — Если подключить что-нибудь ещё, может загореться.

— Слышали? — обратился Федька к соседям. — Человек ещё шапку не снял, а уже работу себе нашёл.

На нижней кровати у прохода сидел широкоплечий мужчина лет сорока пяти. Лицо его было бледным, со старым шрамом вдоль скулы. Он не смеялся.

— Имя?

— Белов. Виктор.

— Фамилию мы слышали. Я Рябой. Пока здесь находишься, сначала спрашиваешь, потом делаешь. Ясно?

— Ясно.

— И не надо глазами по углам шарить. Здесь чужого нет.

Это прозвучало неубедительно: на крючках висели куртки разного размера, на тумбочках стояли общие кружки, а на двух кроватях лежали вещи людей, которых в комнате не было.

Дневальный указал Виктору верхнюю койку возле холод-

ной стены. Простыня была свежая только по названию: на ткани серели старые пятна, зато пахла она хозяйственным мылом. Виктор аккуратно расправил её и положил миску у изголовья.

— Не туда, — тихо сказал Федька.

— Почему?

— Здесь миски под кровать убирают. А то ночью кто-нибудь заденет. Потом будешь думать, кто виноват.

Он показал место ногой и добавил уже серьёзно:

— И хлеб в кармане не носи. Мыши.

За соседней кроватью кто-то негромко фыркнул. Виктор понял, что дело было не только в мышах.

Вечером повели на ужин. До столовой шли строем по скользкой дорожке. Слева за проволокой виднелись длинные корпуса производственной зоны; над одним из них лениво тянулся дым. Из раскрытой двери доносился металлический визг станка.

Там, среди шума и железа, Виктор неожиданно почувствовал что-то знакомое. Не радость — скорее облегчение. Станки не задавали вопросов о виновности. У каждого вала была своя скорость, у каждого предохранителя — своё назначение. Машины можно было понять. С людьми всё обстояло сложнее.

В столовой дали жидкие щи, кашу и кусок хлеба. Федька сел напротив, отломил половину своей пайки и спрятал в карман.

— На ночь, — пояснил он, заметив взгляд Виктора. — Тут всегда ночью хочется есть. Может, воздух такой.

За соседним столом произошла ссора. Один заключённый обвинил другого в том, что тот взял чужую ложку. Сначала спорили шёпотом, потом один ударил ладонью по столу. Дневальный подошёл, коротко сказал что-то, и ссора мгновенно закончилась. Слишком мгновенно, чтобы быть случайной.

— Ложки здесь дороже золотых колец? — спросил Виктор.

Федька перестал жевать.

— Дело не в ложке, инженер. Иногда человеку надо показать, что он может взять у другого что угодно. А если никто не возразит, завтра возьмёт больше.

— И что, все терпят?

— Не все. Только те, кто хочет дожить до освобождения.

Федька сказал это с насмешкой, но глаза у него были совсем невесёлые.

После ужина Виктора вызвали в кабинет начальника карантина.

За письменным столом сидел капитан Туманов — худой, гладко выбритый, в аккуратно застёгнутом кителе. На подоконнике стоял горшок с засохшей геранью. Рядом лежала раскрытая папка, почти пустая.

— Садитесь, Белов.

Виктор сел.

— Как добрались?

— Нормально.

— Жалобы есть?

— Пока нет.

— И хорошо. Вы человек образованный. Должны понимать: чем меньше неприятностей, тем спокойнее жизнь. Здесь, кстати, нужны специалисты вашего профиля. У нас производственный участок, электрика старая. После карантина можно будет решить вопрос с работой.

— Я ещё не знаю, что здесь производится.

— Узнаете. Не торопитесь.

Капитан листнул бумаги. Виктор увидел машинописную строку со своей фамилией и датой приговора. Ниже лежал второй лист, написанный от руки. Туманов быстро прикрыл его папкой.

— С кем-нибудь из заключённых прежде знакомы?

— Нет.

— Уверены?

— Уверен.

— Может быть, на воле кто-то говорил вам о нашей колонии? Передавал просьбы, адреса?

— Никто.

Туманов помолчал. Из коридора донёсся чей-то смех, сразу оборвавшийся после окрика.

— А с Сергеем Лавровым у вас были хорошие отношения?

Виктор почувствовал, как напряглась спина.

— Он погиб. Это написано в деле.

— Я спрашиваю об отношениях.

— Рабочие. Мы часто спорили.

— О чём?

— Об испытаниях. Об оборудовании.

— Всего лишь об оборудовании?

— А о чём ещё?

Капитан посмотрел на него долгим, почти любопытным взглядом. Затем закрыл папку.

— Ладно. Идите. Будут трудности — обращайтесь.

Виктор поднялся, но у двери остановился.

— Товарищ капитан, вы знали Лаврова?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваете о нём, если в деле всё есть?

Туманов не рассердился. Это было хуже: он улыбнулся.

— Потому что люди, Белов, редко рассказывают в суде всё, что знают.

В карантин Виктор вернулся после отбоя. Комната уже погрузилась в темноту, только из коридора под дверью ложилась жёлтая полоска света.

Федька лежал лицом к стене. Рябой курил у приоткрытого окна, прикрыв огонёк ладонью. По соседству кто-то тяжело дышал во сне.

Виктор забрался наверх и долго лежал неподвижно. В памяти снова и снова возникало лицо капитана Туманова. Он

спрашивал о Лаврове так, будто проверял не сведения из дела, а ответ на какой-то собственный вопрос.

Снизу едва слышно заскрипела кровать.

— Инженер, не спишь? — прошептал Федька.

— Нет.

— Днём к тебе подходил майор, да?

— Подходил.

— А капитан сейчас вызывал?

— Ты-то откуда знаешь?

— Здесь всё слышно. И ничего не слышно, если очень надо.

Федька помолчал.

— Ты не спорь пока с Рябым. Он не самый страшный человек здесь. Он просто любит, когда это думают другие.

— А кто самый страшный?

— Успеешь познакомиться.

Снова заскрипела кровать. Разговор был окончен.

За окном прошёл часовой. По потолку скользнула полоска света от фонаря, на мгновение высветив ржавые трубы. Виктор закрыл глаза и вдруг отчётливо увидел дом: жёлтую лампу над кухонным столом, клеёнку с мелкими цветами, Лену в школьном фартуке. Дочка рисовала ему открытку ко дню рождения. Вверху крупными буквами было написано: «ПАПА, ВОЗВРАЩАЙСЯ СКОРЕЕ».

Она ещё не знала тогда, что он не сможет.

Виктор стиснул зубы. Нет, не так. Он должен вернуться.

Не через восемь лет человеком, которого дочь перестанет узнавать, а раньше. Он ещё найдёт способ доказать правду.

Ночью его разбудил лёгкий стук.

Не в дверь — снизу, в металлическую раму кровати.

Раз. Пауза. Ещё два раза.

Виктор приподнялся на локте. Все вокруг спали. Даже Рябой лежал под одеялом, отвернувшись к стене.

Стук повторился, но теперь он понял: звук издавало железо, остывающее после дневного отопления. Труба под потолком иногда щёлкала так же. На заводе он слышал подобное тысячу раз.

Он уже собирался снова лечь, когда нащупал под подушкой что-то шершавое.

Небольшой сложенный лист бумаги.

Виктор осторожно развернул его, подвинув к слабому свету из коридора.

На бумаге был нарисован чертёжный знак: три маленьких кружка, соединённых одной линией.

Точно такой же, какой Сергей Лавров оставил на исчезнувшем заводском чертеже.

Под рисунком стояли всего четыре слова, написанные чужим угловатым почерком:

«НЕ СПРАШИВАЙ, КТО ЖДАЛ».

Виктор почувствовал, как у него похолодели пальцы. Бумага была сухой. Значит, её положили сюда недавно, после того как он постелил кровать. Кто-то входил в комнату, по-

ка он разговаривал с капитаном. Кто-то добрался до его подушки.

Никому не известный чертёж оказался здесь раньше, чем он.

И теперь Виктор понял, что разговор у ворот не был случайностью.

Его действительно ждали.

Но почему человек, знавший о чертеже, не вышел к нему сам?

За дверью послышались шаги. Виктор быстро спрятал лист за подкладку ватника.

Шаги остановились у самого порога.

Ключ тихо повернулся в замке.

И кто-то осторожно нажал на дверную ручку.

Глава первая. Чужая ложка

Дверная ручка медленно пошла вниз.

Виктор Белов лежал на верхней койке, прижав локоть к боку. Под ватником, висевшим у изголовья, шуршала спрятанная записка. Ему казалось, что этот едва слышный звук разносится на всю комнату.

Дверь приоткрылась. В щель легла полоска света, и в ней показалась рука с ведром.

— Ну и дышите вы, черти, — прошептал вошедший.

Это был дневальный — низенький круглолицый мужик в растянутой майке. Он осторожно поставил ведро у печной трубы, поднял с пола тряпку и принялся вытирать лужу у порога. Вода просачивалась из-под двери всякий раз, когда в коридоре мыли пол.

Виктор почувствовал такое облегчение, что чуть не рассмеялся. Он уже успел представить человека с ножом, офицера с приказом и даже самого Лаврова — живого, стоящего в дверях.

Дневальный вдруг поднял голову.

— Ты чего не спишь, инженер?

— Не привык.

— Привыкнешь. Тут ко всему привыкают. Даже к тому, к чему не надо.

Он подхватил ведро и ушёл, не закрыв дверь до конца. Через минуту в коридоре щёлкнул замок.

Виктор ещё долго смотрел в темноту. Кто положил бумаж-

ку под подушку? Как узнал о чертеже? И почему велел не спрашивать, кто его ждал? Последнее было особенно странно. Человек словно приглашал его к разгадке и одновременно запрещал приближаться.

Утром тайна нисколько не поблекла. Но очень скоро выяснилось, что в колонии для неё нет ни минуты свободного времени.

Подъём объявили в шесть. Ржавый репродуктор над дверью хрипнул, выдавил несколько слов и замолчал. Заключённые поднялись почти одновременно: кто-то натягивал сапоги, кто-то искал под кроватью портянку, кто-то ругался на холодную воду. Федька Сверчок, ещё толком не проснувшись, уже успел рассказать соседу сон, в котором ему выдавали сразу две пайки хлеба и обе отнимала жена.

— Ты же говорил, не женат, — заметил Виктор.

— Потому и сон хороший. Никаких последствий.

Виктор невольно улыбнулся.

Умывались в тесной комнате с двумя кранами. Вода была такой холодной, что сводило зубы. У зеркала, покрытого тёмными пятнами, стоял Рябой и брился обломком безопасной бритвы, медленно, с достоинством. Когда Виктор подошёл, Рябой посмотрел на него через мутное стекло.

— Спал хорошо?

— Нормально.

— А я слышал, у тебя ночью посетители были.

Виктор замер с мокрыми руками.

— Дневальный пол вытирал.

— Значит, всё замечаешь. Полезное качество. Только тут иногда лучше глаза закрывать.

Рябой сложил бритву и вышел. Виктор остался у раковины. Ему хотелось вытащить записку и ещё раз проверить буквы, но именно сейчас он особенно ясно понял: любой лишний жест здесь увидят.

На завтрак дали перловую кашу, серую и липкую, как раствор на строительной площадке. Вдоль столов шёл кислый запах подгоревшего молока. Виктор сел рядом с Федькой, но тот неожиданно перестал улыбаться.

— Только не спорь, что бы сейчас ни было, — сказал он тихо.

— О чём ты?

Ответ пришёл сам. К их столу подошёл плотный заключённый с маленькими, близко посаженными глазами. На груди ватника у него белела нитка, которой кто-то старательно зашил прореху.

— Инженер, — произнёс он, — ложку дай.

— Зачем?

— Моя потерялась. Мне поесть надо.

Виктор посмотрел на его руку. В ней была собственная ложка — широкая, с обмотанной проволокой ручкой.

— У тебя есть.

— Эта не моя. Мне твою надо.

За соседними столами разговоры как будто стали тише.

Виктор заметил, как Федька медленно опустил глаза в миску.

— Я ещё не доел, — ответил Виктор.

Мужчина слегка наклонил голову.

— А если я попрошу по-хорошему?

Виктор думал недолго. Он положил ложку на край стола, но не отпустил.

— Давай так. Я доем — дам тебе. А потом ты вернёшь.

— Условия мне ставишь?

— Нет. Договариваюсь.

Плотный мужчина потянул ложку на себя. Виктор не удерживал её силой, только крепче взялся за ручку. Теперь они оба стояли по разные стороны стола, связанные нелепой алюминиевой вещицей.

— Клоп, отойди, — раздался голос за спиной.

Рябой стоял у дверей. Он сказал это негромко, но Клоп разжал пальцы мгновенно.

— Я пошутил.

— Пошутил и хватит.

Клоп ушёл. Рябой подошёл к Виктору, посмотрел на его кашу, на ложку, на руки.

— Первый день, а ты уже представление устраиваешь.

— Я просто завтракал.

— Вот и завтракай. Только запомни: тут не каждый вопрос задают ради ответа.

Он развернулся и ушёл, оставив за собой странное чувство: будто только что помог Виктору и одновременно пре-

дупредил его.

— Дурак ты, инженер, — пробормотал Федька, когда они остались одни.

— Почему?

— Потому что прав. А здесь это иногда самое опасное.

После завтрака новичков вывели на развод. Небо над зоной было белым, лес за проволокой исчез в тумане. У одного из корпусов рабочие разгружали длинные деревянные ящики. На торцах чёрной краской были выведены номера, а сверху, поверх трафарета, мелом написано одно слово: «ОСТОРОЖНО».

Виктор невольно присмотрелся. Ящики оказались длиннее обычных упаковок для станочных деталей, а носили их вдвоём, почти без усилия. Значит, внутри лежало что-то лёгкое.

— Не туда смотришь, — сказал Федька.

— Что там?

— Что привезли, то и повезут. Наше дело — не уронить.

Они прошли дальше. В конце двора, за стеклянной будкой, стоял майор, встречавший Виктора у ворот. Он разговаривал с человеком в гражданском пальто. Тот держал под мышкой чёрную папку и не снимал шляпы, хотя ветер срывал её с головы.

Человек повернулся, и Виктор на мгновение увидел его лицо. Оно показалось знакомым — не из прошлой жизни, а будто с фотографии, которую он видел мельком. Но где?

Гражданский заметил его взгляд и что-то сказал майору. Майор посмотрел прямо на Виктора.

— Вперёд! — подтолкнул его конвоир.

На обратном пути Федька рассказывал о столовой, о бане, о том, как зимой замерзают рукава после работы на улице. Виктор слушал вполуха. Перед глазами стояла чёрная папка. Точно такую, с потрескавшимся уголком, носил следователь, когда показывал фотографии убитого Лаврова. Но чёрных папок в стране были тысячи.

В карантин их вернули к полудню. На кровати Виктора сидел незнакомый заключённый в очках с заклеенной дужкой. Он держал в руках толстую книгу без обложки и, услышав шаги, встал.

— Это твоё место?

— Моё.

— Извини. У окна свет лучше.

Незнакомец отряхнул ладонью покрывало, хотя на нём не было пыли.

— Я Семён Аркадьевич. Здесь зовут Архивариусом. В библиотеке работаю, когда позволяют.

Он протянул руку. Виктор пожал её. Рука оказалась сухой, с длинными пальцами и мозолем от карандаша.

— Вы давно здесь?

— Достаточно, чтобы перестать считать дни. Недостаточно, чтобы забыть календарь.

Семён Аркадьевич улыбнулся. Улыбка была усталой и

удивительно доброй.

— Говорят, вы инженер. Значит, любите, когда вещи объяснимы?

— По крайней мере, стараюсь.

— Тогда вам будет тяжело.

Он собирался уйти, но задержался у двери.

— И ещё. Если здесь вам дадут что-нибудь почитать, смотрите не только на то, что написано. Смотрите, какой страницы не хватает.

Виктор не успел спросить, что это значит. Архивариус уже вышел в коридор.

Федька, сидевший на своей койке, перестал шнуровать ботинок.

— Он к тебе сам подошёл?

— Да.

— Чудной дед. Ко всем книжки таскает, а о себе ни слова. Только ты с ним поаккуратнее.

— Ты про каждого так говоришь.

— А ты что думал? Я тебе тут экскурсовод с красным флажком?

Виктор рассмеялся, и Федька тоже улыбнулся, довольный, что рассмешил его. На несколько секунд колония стала обычным местом, где один человек подшучивает над другим. Потом за стеной грубо выругались, грохнула табуретка, и это ощущение исчезло.

После обеда в комнату вошёл Клоп. На этот раз он был

не один: за ним шли двое молчаливых мужчин. Он подошёл к Викторовой койке и поставил на тумбочку алюминиевую ложку, погнутую почти пополам.

— Держи, инженер. Ты утром говорил, чтобы вернул.

— Это не моя.

— А я говорю, твоя.

Клоп толкнул ложку пальцем. Она соскользнула и звякнула об пол.

Федька поднялся, но Виктор жестом остановил его. Он понял: сейчас важна вовсе не ложка. От него ждут, что он либо испугается, либо бросится в драку. Оба исхода кому-то подойдут.

— Значит, ошибся, — сказал Виктор. — Бывает.

— Чего?

— Я думал, ты свою потерял. А ты, оказывается, чужие коллекционируешь.

Кто-то у окна прыснул. Клоп шагнул вперёд, но тут в коридоре раздался окрик дневального:

— Рябой! К начальнику!

Один из пришедших тронул Клопа за плечо. Тот отступил, процедив:

— Договорим.

Когда дверь закрылась, Федька схватил погнутую ложку и сунул её в карман.

— Ты зачем ему отвечал? — прошипел он.

— А что, надо было молчать?

— Надо было жить. Это разные занятия.

Он замолчал, потому что увидел лицо Виктора. Тот и сам уже понимал, что шутка вышла не слишком умной. Но ещё сильнее его мучило другое: утром Рябой остановил Клопа, а теперь Клоп вернулся, как будто получил на это разрешение.

До вечерней проверки Виктор не трогал записку. Он успел выучить её четыре слова наизусть. Наконец, когда остальные ушли за кипятком, он расстегнул подкладку ватника, достал бумажку и развернул на ладони.

На обороте, которого он ночью не заметил, был едва различимый отпечаток машинописных букв. Не целая строка — только её нижняя половина. Бумагу, очевидно, оторвали от другого листа.

Виктор поднёс её к окну. Между неровными волокнами проступали цифры:

«…17. 23:40».

Он почувствовал, как стучит сердце. В протоколе осмотра заводского склада время гибели Лаврова обозначили приблизительно: между одиннадцатью вечера и часом ночи. Но откуда здесь взялось именно 23:40? И что означало число семнадцать?

Сзади скрипнула половица.

Виктор резко обернулся. У дверей стоял Митрич — тот самый старик из этапного вагона. Вид у него был утомлённый, щека побелела от холодного ветра, в руке он держал жестяную кружку.

— Вот ты где, инженер, — сказал старик. — Тебя по всей зоне ищут.

Виктор спрятал лист в кулак.

— Кто ищет?

Митрич прикрыл за собой дверь и подошёл ближе.

— Не знаю. А вот что знаю, скажу. Сегодня у проходной я слышал одну фамилию. Твою. Говорили, чтобы к старому щиту тебя пока не подпускали.

— К какому щиту?

— К электрическому. В производственном корпусе. Там, где ящики разгружали.

Виктор вскинул голову.

— Ты видел эти ящики?

— Видел. Только я не про ящики пришёл говорить.

Старик посмотрел на сжатый кулак Виктора, затем перевёл взгляд на ватник с распоротой подкладкой. Он ничего не спросил. Но лицо его изменилось.

— Значит, уже передали, — произнёс он почти беззвучно.

— Что передали?

Митрич долго смотрел на него. Потом поставил кружку на подоконник.

— Виктор Андреевич, — сказал он впервые по имени-отчеству, — у тебя сейчас есть два пути. По одному ты забудешь всё, что было на заводе, отсидишь срок и, даст бог, увидишь дочь взрослой. По другому начнёшь задавать вопросы. И очень скоро узнаешь, что Лавров умер не из-за вашего

спора.

— Откуда ты знаешь Лаврова?

Старик закрыл глаза, словно именно этого вопроса боялся больше всего.

— Потому что, — ответил он, — я видел его живым через два дня после того, как его похоронили.

Глава вторая. Мёртвый свидетель

— Ты видел Лаврова живым? — переспросил Виктор.

Митрич отвёл глаза. За окном кто-то гремел ведром, и по стеклу ползли тяжёлые капли талой воды. Старик, ещё минуту назад решительный, вдруг стал похож на человека, который случайно произнёс вслух то, что годами запрещал себе вспоминать.

— Сядь, — сказал он. — И не смотри так. Я не покойников вызываю.

Виктор сел на край койки, не разжимая кулака с запиской.

— Два месяца назад я был на воле, — начал Митрич. — Работал на грузовом дворе. В бумагах значился сторожем, а на деле делал всё подряд. Был у нас склад железнодорожный, возле старого переезда. Туда ночью иногда приходили машины, которых в дневных ведомостях не было. Я внимания не обращал. За любопытство там не доплачивали.

Он остановился, прислушался к шагам за дверью и заговорил тише.

— Однажды в город принесли газету. Там заметка: на заводе погиб мастер, Сергей Лавров. Фотография маленькая, но лицо я запомнил. А через два дня подъехал чёрный «Волга», за ней грузовик под брезентом. Из «Волги» вышел тот самый человек. Живой. Стоял у переезда, курил и ругался с шофёром. Я даже подумал, что газета перепутала фотографию.

— Ты уверен, что это был он?

— В том, что видел человека с его лицом, уверен. А был ли это Лавров, не поклянусь. У него возле левого уха шрам. Маленький, как запятая.

Виктор вздрогнул. Он видел этот шрам много раз, когда Лавров надевал защитные наушники. О нём никогда не писали в газетах.

— Что было дальше?

— Дальше я сделал глупость. Спросил у начальника смены, куда ночью возят ящики. Он сказал: не моё дело. Через неделю у меня нашли на складе недостачу. А потом суд. Четыре года.

— Подставили?

— Может, и подставили. Только украденное железо действительно было у меня под замком. Я отвечал за него. Суду этого хватило.

Митрич взял кружку и сделал глоток, хотя чай давно остыл.

— На этапе я тебя узнал не сразу. Услышал фамилию, вспомнил газету. И решил молчать. Но потом ты мне рассказал, что инженер. А здесь, возле ворот, майор тебя по имени встречал. Понимаешь, странно это.

Виктор смотрел на Митрича и не знал, чему верить. Лавров лежал в гробу. Виктор видел его лицо на похоронах, хотя милиционер не позволил подойти близко. Он видел, как мать Лаврова бросала горсть земли на крышку, и слышал стук этой горсти. Разве такой звук можно придумать?

— Почему ты заговорил только сейчас?

— Потому что увидел, как ты прячешь бумагу. Тебе что-то передали. Не показывай мне. Чего не видел, того у меня не отнимут.

Старик поднялся. Когда он дошёл до двери, Виктор окликнул его:

— А на грузовом дворе ты видел какой-нибудь знак? Три кружка, соединённые линией?

Митрич остановился так резко, что вода в кружке плеснула ему на пальцы.

— Видел. На деревянном ящике. Только не линией, а тонкой перемычкой, будто их на проволоку надели. Что это такое?

— Я и сам не знаю.

Митрич долго молчал, а затем, будто окончательно приняв решение, подошёл назад.

— Тогда слушай. На ящике ещё был номер. Семнадцать. Я его хорошо запомнил: семнадцатого числа у меня жена умерла. С тех пор это число мне глаз режет.

Дверь распахнулась. На пороге возник Федька Сверчок с двумя пустыми чайниками.

— О, совещание учёного совета! А я думал, куда весь кипяток делся.

Он увидел серьёзные лица и осёкся.

— Меня, если что, здесь не было, — сказал Федька и поспешно исчез.

Виктор хотел догнать его, но Митрич удержал за рукав.

— Парень не злой. Только язык у него иногда бежит впереди головы. А здесь слова, как спички, — махнул и не заметил, что уже горит.

Вечером выяснилось, что Клоп не забыл утреннего унижения. Он не подошёл к Виктору, не сказал ни слова. Вместо этого у Федьки исчезла половина хлебной пайки, которую он берег на ночь. Сверчок сначала ругался, потом искал под матрасом и в сапогах, а когда понял, что никто ничего не вернёт, сел на койку и отвернулся к стене.

— Подумаешь, хлеб, — сказал кто-то.

Но Виктор видел, как дрожат у Федьки пальцы. Для человека, который целый день смеялся, это было страшнее слёз.

— Кто взял? — спросил Виктор.

В комнате стало тихо. Рябой, лежавший на нижней койке, медленно приподнял голову.

— Не начинай, инженер.

— Я спросил, кто взял чужой хлеб.

— А я сказал — не начинай. Хочешь, чтобы за твою правду Федьке завтра зубы выбили?

Виктор посмотрел на Сверчка. Тот незаметно покачал головой. И Виктор впервые промолчал не из страха, а потому, что понял: последствия его слов достанутся другому.

Ночью он отломил половину собственного хлеба и оставил возле Федькиной миски. Утром хлеб лежал на месте. Под ним оказалась короткая записка, нацарапанная каран-

дашом на газетном клочке: «Спасибо. Но не делай этого при всех».

Виктор спрятал клочок. Рядом, в подкладке ватника, по-прежнему лежал первый листок с тремя кружками. Теперь он знал, что этот знак видел ещё один человек. Но почему за обычным чертежом тянулись чужие сроки, исчезнувшие документы и, возможно, ложная смерть?

За окном раздался звон металлического гонга. Начинался новый день, и Виктору предстояло узнать, сколько стоит его собственное молчание.

Глава третья. Цена тишины

На третий день Виктор понял, что в колонии существует два распорядка. Первый висел на стене у входа: подъём, завтрак, проверка, работа, отбой. Второй никто не записывал, но знали его все. Кто первым подходит к умывальнику. Кому уступают место у батареи. Чья миска стоит ближе к окну. И главное — кому нельзя говорить «нет».

В пятницу к ним перевели нового заключённого, молодого сельского парня по имени Пётр. Был он нескладный, с большими обветренными ладонями и привычкой извиняться прежде, чем его в чём-нибудь обвинят. Он привёз из пересылки шерстяные носки, связанные матерью. Пока он принимал постель, носки исчезли.

— Не видал? — спросил Пётр у Федьки, едва не плача.

— Не видел, — ответил Сверчок и вдруг добавил: — А ты забыл, что сюда приехал? Тут ещё и голову потерять можно.

Виктор заметил носки вечером. Они торчали из сапога одного из людей Клопа, здоровенного молчуна с обожжённой шеей. Пётр тоже увидел, но сделал вид, будто смотрит в другую сторону.

— Скажи ему, что это твои, — шепнул Виктор.

— Не надо, дядя Витя. Мама ещё свяжет.

От этих слов у Виктора защемило сердце. Парню казалось, что дома время остановилось и мать вечно будет сидеть у окна с клубком шерсти.

После ужина Виктор подошёл к Рябому. Тот сидел у окна,

надев очки без одной дужки, и чинил ремень.

— С тобой поговорить можно?

— Разговоры нынче бесплатные. Пока что.

— У новичка украли носки.

— Пусть бережнее смотрит.

— Он знает, у кого они.

Рябой перестал ковырять ремень. На секунду лицо его стало совсем другим — сосредоточенным и усталым.

— Инженер, если ты пришёл воспитывать людей, устройся учителем после освобождения. Здесь не школа.

— А что здесь?

— Здесь сорок человек в комнате, и у каждого своя беда. Если каждый за свою беду начнёт драться, к утру половина окажется в больнице. Я держу порядок, какой могу.

— За счёт тех, кто слабее?

— Иногда за счёт тех, кто умнее. Например, за твой.

Он положил ремень и снял очки.

— Ты думаешь, Клоп сам к тебе пристал? Он и поесть без подсказки не решит, с какой стороны ложку держать.

— Кто подсказал?

— Не знаю. Знал бы — сказал? Тоже не знаю.

Виктор хотел ответить, но Рябой наклонился ближе.

— Одного советую: Федьку не подставляй. Он мне однажды жизнь спас. Не спрашивай как. И коли хочешь доказать, что прав, сначала подумай, кто за тебя заплатит.

В эту минуту из коридора донёсся грохот. Вбежал Пётр,

бледный, с разорванным воротом рубахи. За ним появился Клоп.

— Воришка! — закричал Клоп. — В чужие вещи полез!

— Я только носки свои взять хотел, — выдохнул парень.

Рябой поднялся. В комнате стало настолько тихо, что было слышно, как в батарее журчит вода.

— Чьи носки? — спросил он.

Клоп замялся.

— Да у Жука в сапоге были. Может, он нашёл.

— Принеси.

Через минуту молчун с обожжённой шеей положил носки на стол. Один был заштопан красной ниткой у пятки, другой — синей.

— Это мама так вяжет, — прошептал Пётр.

Рябой посмотрел на Клопа.

— Верните. И больше новичка не трогайте.

Клоп открыл рот, но Рябой поднял палец. Этого хватило.

Когда все разошлись, Виктор нашёл Рябого у умывальника.

— Спасибо.

— Не за что. Сегодня носки, завтра ложка. Послезавтра кто-нибудь решит, что можно уже и людей в долг брать. Мне такое не надо.

— Значит, можно по справедливости.

Рябой усмехнулся.

— Можно иногда сделать по справедливости. А жить по

ней постоянно — знаешь, сколько желающих помешать?

Он повернулся к двери, но остановился.

— И ещё, Белов. Ты не первый инженер, которого сюда привезли после истории с Лавровым.

Виктор почувствовал, как холодеют ладони.

— Кто был до меня?

— Вот этого ты у меня не спрашивал.

— Он здесь?

Рябой посмотрел в коридор. Мимо прошёл надзиратель с журналом под мышкой.

— Сходи в библиотеку, — сказал Рябой. — Найди Архивариуса. Скажи, что тебе нужна книга про старую электростанцию. И никому не повторяй этих слов.

Виктор остался один у мокрой раковины. Ещё утром он собирался добиться возвращения пары носков. Теперь выходило, что, возвращая носки Петру, он случайно открыл дверь в историю, о которой здесь знали гораздо больше, чем признавались.

А на следующий день у него назначили первую работу за пределами карантинного корпуса — в производственной зоне.

Глава четвёртая. Семнадцатый цех

Производственная зона начиналась за вторыми воротами. Там не было ни травы, ни деревьев, только вытоптанная грязь, асфальт в выбоинах и длинные кирпичные корпуса. По утрам воздух дрожал от стука металла. За проволокой дымились трубы, а далеко над крышами темнел лес, похожий на неподвижную стену.

Виктора привели к мастеру ремонтной бригады, невысокому человеку с седой щетиной и обожжёнными тыльными сторонами ладоней. Его звали Николай Петрович, но все обращались просто Ильич.

— Инженер? — спросил он, оглядев Виктора с головы до ног.

— Электромеханик.

— Значит, бумажки читать умеешь. А руками?

— Умею.

— Вот и посмотрим.

Ильич повёл его вдоль цеха, где заключённые собирали деревянную тару. Пилы визжали так, что разговор приходилось вести почти криком. На стене висел облупленный лозунг о досрочном выполнении плана. Под ним стояли три станка, два работали, а третий был накрыт брезентом.

— Тут в щите автомат выбивает, — сказал Ильич. — Вчера два раза. Сегодня с утра опять. Электрик наш в санчасти, а начальство требует выпускать продукцию. Ты смотри только, чтобы самого не приложило.

Виктор попросил отключить линию и запереть рубильник. Ильич поглядел удивлённо.

— Ты сразу со страховки начал?

— У меня из-за электричества человек погиб. Так сказали в суде.

Ильич перестал улыбаться.

— Ладно. Делай как положено.

Щит находился в боковом помещении без окон. Лампочка под потолком мигала, на полу валялись стружка и пустая коробка из-под гвоздей. Виктор открыл дверцу. Один контакт почернел, изоляция на проводах потрескалась, а предохранитель кто-то заменил самодельной перемычкой. От этой перемычки пахло недавним перегревом.

— Кто здесь лазил? — спросил он.

— Да кто только не лазил. Ты чини.

— Пока не уберём перемычку, станок включать нельзя.

Ильич вздохнул, но согласился. Виктор начал разбирать клеммы и вдруг увидел на внутренней стороне дверцы маленькую царапину. Не случайную. Три кружка, соединённые прямой линией.

Он даже выпрямился, чтобы перевести дух.

— Что там? — окликнул мастер.

— Старую маркировку нашёл. Кто этот щит собирал?

— До нас. Здесь раньше другой участок был. Испытательный какой-то. Потом закрыли, оборудование разобрали. Это цех семнадцатый, от прежней нумерации.

Семнадцатый. В памяти всплыли слова Митрича о ящике.

Виктор потянул дверцу на себя. Из-под крепёжного винта выпала свёрнутая в трубочку полоска промасленной бумаги. Он подхватил её раньше, чем она коснулась пола, и инстинктивно спрятал в рукав.

— Всё нормально? — спросил Ильич.

— Нужен нормальный предохранитель. И провод с неповреждённой изоляцией.

— На складе попросим. А пока перерыв.

Во дворе ремонтники пили чай из железных кружек. Федька таскал со склада пустые ящики и, увидев Виктора, обрадованно замахал рукой.

— Инженер! Тебя уже в главные энергетики записали?

— Пока в младшие чистильщики проводов.

— Вот и я говорю: учился человек, учился, а всё к нашему брату попал.

Федька прыснул от собственного остроумия. Но его улыбка исчезла, когда к корпусу подъехала чёрная «Волга».

Из машины вышел тот самый человек в гражданском пальто. Сегодня шляпы на нём не было, и Виктор увидел раннюю седину над высоким лбом. Человек осмотрел двор, задержал взгляд на ремонтной бригаде и вошёл в административную дверь.

— Кто это? — спросил Виктор.

Федька сплюнул в песок.

— Тут его Гостем зовут. Приезжает, когда кто-нибудь

сверху очень нервничает. Мне он не нравится. Вроде улыбается, а на людей смотрит как на сломанные часы.

— Откуда он?

— Да если бы я знал, я бы, наверное, уже не здесь шутил.

После перерыва Виктор завершил ремонт. Станок снова запустили, и Ильич, убедившись, что автомат держит нагрузку, впервые хлопнул его по плечу.

— Работать будешь здесь. Толк от тебя есть. Но запомни: если тебе покажется, что мы что-то скрываем, не торопись это выяснять. В моей бригаде люди по двадцать лет без пальцев живут. Хочешь уйти с целыми руками — слушай старших.

Виктор кивнул. Его больше занимала полоска бумаги, скрытая в рукаве.

Развернуть её удалось только вечером, в туалетной кабинке, где из разбитого окошка тянуло морозом. На бумаге была нарисована схема из трёх окружностей. Под каждой стояло по одной букве: «А», «Б» и «В». А ниже чернильным карандашом написано: «Переключение — 23:40. Контур 17».

Он поднёс записку ближе к свету. В углу виднелись отпечатки пальцев, испачканных машинным маслом. И ещё — две буквы, похожие на подпись: «С. Л.».

Точно так Лавров иногда помечал лабораторные журналы.

Из-за перегородки послышался тихий кашель.

— Нашёл? — спросил незнакомый голос.

Виктор застыл.

— Кто здесь?

В ответ послышался скрип двери, шаги и короткий металлический стук. Когда Виктор выбежал в коридор, там никого не было.

Только на подоконнике лежала маленькая латунная гайка. Совсем обычная — если бы на одной её грани кто-то не выцарапал число семнадцать.

Глава пятая. Страница, которой не было

Библиотека размещалась на втором этаже бывшего клуба. Внизу по вечерам показывали кино — чаще старое, с потрёпанной плёнкой, и потому герои на экране иногда пропадали в белых вспышках, будто их за ненадобностью вырезали из жизни. Наверх вела деревянная лестница, вытертая посередине до жёлтого блеска.

Виктор добился разрешения сходить туда через неделю после ремонта щита. За эти семь дней он научился различать вкус утренней каши по запаху из коридора, привык просыпаться за минуту до команды и дважды получил замечание за то, что невольно останавливался у ворот семнадцатого цеха.

Маленькая победа тоже случилась: Пётр получил обратно свои носки и теперь стирал их по воскресеньям, словно это была единственная вещь в мире, требующая настоящей заботы. Рябой не обсуждал происшествие. Клоп при встрече делал вид, что не замечает инженера. От этого было почему-то тревожнее.

В библиотеке пахло клеем, пылью и прогретыми батареями. Вдоль стен стояли стеллажи, между ними — столы с зелёными лампами. За окном кружился мелкий снег. Семён Аркадьевич сидел у окна и подклеивал корешок сборника стихов.

— Мне нужна книга про старую электростанцию, — сказал Виктор.

Архивариус не поднял головы.

— Про какую именно?

— Так мне велели сказать.

Лишь теперь Семён Аркадьевич посмотрел на него. Не удивился — словно ждал этих слов, но не был уверен, что когда-нибудь услышит.

— Возьмите третью полку слева, синий переплёт. И садитесь так, чтобы окно было у вас за спиной.

Книга оказалась учебником по эксплуатации сельских электростанций, изданным в пятидесятых годах. На первой странице стоял библиотечный штамп, на последней — чернильное пятно в форме маленькой птицы. Виктор перелистал несколько глав, разглядывая схемы трансформаторов. Между сто двадцать шестой и сто двадцать восьмой страницами не было сто двадцать седьмой.

Он вспомнил совет Архивариуса: смотреть на то, какой страницы не хватает.

— Где она? — тихо спросил Виктор.

— Я не знаю, о чём вы.

— Сто двадцать седьмая.

Семён Аркадьевич вытер пальцы о сухую тряпку.

— Её вырвал один человек. Четыре месяца назад. Он был инженером, как и вы. Попросил карандаш, долго что-то срисовывал, а вечером страницу уже не нашли.

— Фамилия?

— Сазонов. Павел Николаевич.

Виктор едва не выронил книгу. Сазонов работал с ним на

заводе до весны. Затем внезапно уволился и уехал, как говорили, к брату в Белоруссию. Однажды Виктор видел, как Сазонов спорил с Лавровым у закрытого испытательного стенда. Но таких споров на заводе случалось много.

— Он был здесь?

— В этой комнате сидел. Молчаливый человек. Любил чай без сахара и каждую неделю просил чистую бумагу.

— Где он сейчас?

Архивариус положил ладонь на раскрытый учебник.

— Не знаю. Однажды за ним пришли после вечерней проверки. Наутро его койка была пуста, вещи исчезли. В журнале выдачи книг я больше не видел его подписи.

— Может, перевели?

— Может. Здесь у человека не всегда спрашивают, куда он хочет.

Они замолчали. На нижнем этаже кто-то громко репетировал песню к празднику, сбивался и начинал снова. Обыкновенный человеческий голос неожиданно казался чужим среди этих недомолвок.

— Почему вы мне помогаете? — спросил Виктор.

Архивариус долго смотрел на свои руки.

— У меня был сын, — сказал он наконец. — Ему было двадцать три. Он погиб на стройке. Начальство написало, что нарушил инструкцию. А потом я узнал, что страховочный трос был неисправен и об этом знали. Я пытался добиться расследования. На свободе у меня не получилось. Здесь

я оказался по другому делу, но привычка спрашивать осталась. Если человек исчезает, мне важно хотя бы помнить его имя.

Виктор не стал расспрашивать дальше. Впервые за много дней он почувствовал, что перед ним не загадочный посредник, а живой человек, которому тоже есть кого оплакивать.

— Что было на сто двадцать седьмой странице?

— Необычного ничего. Схема автоматического переключателя резервной линии. Три группы контактов. Но Сазонов почему-то рассматривал её часами.

Три группы. Виктор невольно сжал пальцы. В кармане лежала латунная гайка с числом семнадцать.

Перед уходом Архивариус протянул ему старый том рассказов, разрешённый к выдаче.

— Почитайте на ночь. Хороший автор. Правда, здесь некоторые страницы перепутаны местами.

Виктор открыл книгу уже в бараке. Между двумя рассказами кто-то аккуратно вклеил узкую полоску бумаги. Там были две строки, написанные мелким, почти учительским почерком: «Сазонов не уезжал в Белоруссию. Его привезли раньше тебя». И ниже: «Не верь человеку, который носит чёрную папку».

В это время в проходе появился дневальный с пачкой писем.

— Белов! С воли!

На конверте был знакомый почерк жены. Виктор узнал его

раньше, чем увидел обратный адрес. У него перехватило дыхание. Письмо пахло чужой дорогой, почтовым клеем и, как ему чудилось, домашним шкафом, где хранили полотенца.

Жена писала, что Лена получила пятёрку по математике, что в квартире холодно и что сосед помог починить кран. Ни одного лишнего слова. Внизу был детский рисунок: дом, над ним солнце и кривоватая надпись «ПАПА, Я ЖДУ».

Виктор осторожно провёл пальцем по детским буквам. А когда перевернул лист, заметил на обороте продавленные, но стёртые карандашные строки. Жена, похоже, написала что-то ещё и тщательно убрала написанное.

Он приложил лист к свету. Между волокнами проступило одно слово: «Приходили».

Кто приходил к его семье? И почему жена побоялась об этом написать?

Глава шестая. Ночной обход

Сначала Виктор хотел немедленно написать ответ. Попросить жену уехать к сестре, не открывать незнакомым, ничего никому не показывать. Потом представил, как письмо будут читать чужие люди, и отложил карандаш.

Он написал только о здоровье, о работе в ремонтной бригаде и о том, что ждёт новых Лениных рисунков. Трижды переписывал последнюю строчку, пока не осталось простое: «Берегите себя. Я вернусь».

Сверчок, заглянув через плечо, кивнул.

— Хорошо написал. Без соплей, но понятно.

— А ты сам кому пишешь?

Федька отвернулся.

— Никому. Матери нет. Отец если увидит почерк — решит, что опять денег прошу. А я и не прошу. Видишь, какой гордый.

Он усмехнулся, но на этот раз Виктор не поверил улыбке.

В тот же вечер Сверчок пропал.

На ужине его место пустовало. На проверке дневальный сообщил, что Федьку вызвали в хозяйственный блок, но когда заключённых пересчитали после отбоя, Сверчок так и не появился. Никто не поднял тревоги. Рябой сидел мрачнее обычного, а Клоп подчеркнуто громко рассказывал анекдоты.

— Где он? — спросил Виктор у дневального.

— Сказали, на работах. Не моё дело.

Виктор посмотрел на Рябого. Тот еле заметно качнул головой: сейчас не время.

После десяти по коридору прошёл конвоир. Открыл соседнюю дверь, приказал кому-то выйти и ушёл с ним. В бараке снова стало тихо. Виктор лежал, прислушиваясь к скрипам крыши. Он думал о Федьке, о хлебе и о том, как легко в этой колонии человека можно превратить в пустую кровать.

Где-то снаружи послышался глухой удар. Потом второй. И короткий вскрик, оборвавшийся на середине.

Виктор сел.

— Лежи, — прошептал снизу Рябой.

— Это Федька.

— Может, и он. Лежи, говорю.

— Ты сам сказал, он тебе жизнь спас.

Рябой помолчал. Потом с тяжёлым вздохом сбросил одеяло.

— Вот ведь наказание. Ты из тех, кого лучше вовсе не знать.

Они выбрались в коридор через дверь, которую дневальный оставил на защёлке. Рябой знал, как отодвинуть её проволокой; Виктор не спросил, откуда. Возле хозяйственного блока горела одна лампа. Снег на земле был протоптан до чёрной грязи. От сарая пахло мокрыми досками и капустными отходами.

За стеной кто-то тихо стонал.

— Федька? — позвал Виктор.

— Уходите, — отозвался Сверчок. — Я тут отдыхаю на курорте.

Рябой выругался сквозь зубы. Дверь оказалась закрыта снаружи на засов. Они отодвинули его вдвоём.

Федька сидел на полу между пустыми ящиками. Губа была рассечена, один глаз заплывал. Он прижимал к боку руку и старался держаться так, словно пришёл сюда исключительно по собственному желанию.

— Кто тебя? — спросил Виктор.

— Не разглядел. Темно. Может, совесть моя.

— Не шути.

Федька наконец посмотрел на него прямо.

— Меня спрашивали о тебе. Где хранишь бумаги. С кем разговариваешь. Ходил ли в библиотеку.

— Кто спрашивал?

— Не знаю. Голос чужой. Один говорил, другой стоял у двери. А ещё сказали: если инженер не отдаст схему, его жене придётся отвечать вместо него.

Виктор почувствовал такую злость, что на мгновение перестал замечать холод. Потом взглянул на Федькино лицо и заставил себя говорить спокойно.

— Ты им что сказал?

— Что никакой схемы не видел. И что ты умный, но жадный: даже погнутую ложку никому не отдаёшь.

Рябой осторожно подхватил Федьку под здоровую руку.

— Хватит разговоров. До санчасти дойдёшь?

— Если будете нести, хоть до Москвы.

Они провели его вдоль стены. За углом уже показались окна медицинского корпуса, когда навстречу вышел надзиратель.

— Вы трое чего здесь?

Рябой ответил раньше, чем Виктор успел открыть рот.

— Человеку плохо. В сарае нашли, упал.

Надзиратель посветил фонариком в разбитое лицо Федьки.

— Сам упал?

— А вы думаете, я такой красивый от природы? — прохрипел Федька.

Надзиратель едва заметно усмехнулся, но потребовал идти с ним. В санчасти дежурная медсестра молча обработала раны и велела оставить парня до утра. Её фамилия была Кузнецова. На тумбочке у неё стояла фотография мальчика с футбольным мячом. Виктор почему-то запомнил её — единственную домашнюю вещь среди белых стен.

Возвращаясь, Рябой внезапно остановился.

— Ты теперь понял? Они бьют не тебя. Они бьют тех, кто рядом.

— Понял.

— Тогда спрячь то, что нашёл. Но не мне. И не Митричу. У каждого своя слабость.

— А у тебя какая?

Рябой долго смотрел на тёмное окно санчасти.

— Я однажды не успел вытащить товарища из горящего цеха, — сказал он. — До сих пор слышу, как тот стучал изнутри. Вот моя слабость.

Виктор ничего не ответил.

Утром выяснилось, что Митрича перевели из карантина. Никто не знал куда. На его кровати лежала только старая жестяная кружка, в которой замёрзло несколько капель чая.

На дне кружки кто-то острым предметом выцарапал три маленьких кружка и прямую линию. Рядом было одно слово: «СПЕШИ».

Глава седьмая. Человек в сером пальто

Виктора вызвали к начальству в воскресенье, когда во дворе впервые за много дней показалось солнце. Оно осветило вышки, обледеневшую проволоку и полоску грязного снега у стены. От этого колония не стала добрее, но на мгновение показалась почти обыкновенным рабочим посёлком.

Конвоир повёл его не к Туманову, а в административный корпус. На втором этаже пахло полировкой мебели и крепким табаком. Из открытого кабинета слышался радиоприёмник: диктор рассказывал о планах промышленности, и его уверенный голос был совершенно неуместен здесь, где все боялись завтрашнего дня.

За столом сидел майор, встречавший этап у ворот. У окна стоял человек в сером пальто, тот самый Гость. Теперь Виктор мог рассмотреть его внимательно: лет пятьдесят, аккуратная стрижка, длинные пальцы, на правой руке золотое кольцо без камня. В пальцах он вертел карандаш.

— Белов Виктор Андреевич, — произнёс Гость. — Проходите. Я Леонид Сергеевич Громов. Занимаюсь производственными вопросами.

— Какими именно?

Громов улыбнулся.

— У вас, говорят, привычка задавать уточняющие вопросы. Это хорошее качество для инженера. И трудное для человека в вашем положении.

Майор подвинул стул. Виктор сел, чувствуя на спине

взгляд стоявшего у двери конвоира.

— Скажите, зачем вы интересовались старым распределительным щитом в семнадцатом цехе? — спросил Громов.

— Меня направили ремонтировать оборудование.

— И вы отремонтировали. Замечательно. А кроме ремонта?

— Ничего.

Громов положил карандаш на стол.

— Виктор Андреевич, я бы хотел, чтобы мы с вами поняли друг друга. Бывает, на предприятии происходят ошибки. Иногда тяжёлые. Люди гибнут. Документы теряются. Потом выясняется, что виноват не тот, кто сидит в тюрьме. Вы, вероятно, об этом много думали.

— Каждый день.

— И если появилась возможность пересмотреть дело, вы бы ею воспользовались?

Виктор молчал. Такую возможность он представлял сотни раз, но никогда — в устах незнакомого человека, который задавал вопросы о старом щите.

— Воспользовался бы, — сказал он наконец. — Если бы знал, что это не обещание.

— Разумно. Тогда я спрошу прямо. На заводе у Лаврова была техническая папка. В ней находилась схема. Что вам о ней известно?

— Я видел чертёж. Он исчез из дела.

— Вы можете восстановить его по памяти?

— Отчасти.

— Хорошо. Очень хорошо.

Громов достал чистый лист и пододвинул его к Виктору. На столе лежал остро заточенный карандаш.

— Нарисуйте.

Виктор взял карандаш. Вспомнил бумагу из-под подушки, надпись «Контур 17», трёхкружковую схему. Затем медленно нарисовал три прямоугольника, соединённые проводами, как в обычном блоке питания. Подписал напряжение. Всё это было правдоподобно и почти бесполезно.

Громов наблюдал за его рукой без улыбки.

— Вы точно ничего не забыли?

— Тот чертёж я видел мельком.

Громов взял лист, сложил пополам и убрал в папку.

— Хорошо. У нас будет время поговорить ещё. Что-нибудь хотите попросить?

— Узнать, куда перевели Бориса Никитича. Митрича.

Майор чуть заметно пошевелился, будто собирался возразить, но Громов остановил его взглядом.

— Человек под наблюдением врачей. Не беспокойтесь.

— Он болен?

— Не нужно придавать всему значение, Белов. В некоторых случаях забота — это просто забота.

Виктор поднялся. Уже у двери Громов произнёс:

— Ах да. У вас дочь, Елена. Хорошо рисует, правда?

Виктор медленно повернулся.

— Откуда вы знаете?

— В вашем деле многое написано. Не переживайте, семье никто не причинит неприятностей, если мы будем сотрудничать.

Он сказал это почти ласково. Но именно ласковость испугала Виктора сильнее прямой угрозы.

На лестнице Виктор вдруг вспомнил, где видел Громова прежде. Не человека, а его жест — привычку катать карандаш между указательным и средним пальцами. Именно так крутил карандаш Лавров, когда сердился. Но это могла быть случайность. Любой инженер на заводе крутил карандаш, когда думал.

Внизу, у гардероба, стояла медсестра Кузнецова. Она несла свёрток бинтов. Увидев Виктора, остановилась.

— Ваш приятель Сверчок сегодня просил передать, что жив, — сказала она. — И ещё, будто бы вы забыли у него чайную ложку.

— Какую ложку?

— Не знаю. Он велел передать именно так.

По дороге назад Виктор думал не о Громове, а о погнутой ложке, которую Федька забрал после ссоры с Клопом. Она казалась тогда глупым предметом, символом чужой мелочной жестокости. Почему теперь Сверчок вспоминал именно её?

В бараке он нашёл свою койку перевёрнутой. Матрас лежал на полу, ватник висел на спинке стула, подкладка была

аккуратно распорота. Спрятанные листки исчезли.

Рябой сидел у окна и делал вид, что читает газету.

— Обыск был, — сказал он, не поднимая глаз. — Искали бумажки.

Виктор сел на голую сетку кровати. Значит, схему нашли. И теперь у Громова было всё, что нужно.

— Ты чего улыбаешься? — вдруг спросил Рябой.

Виктор и сам не заметил улыбки.

— Потому что я им не всё оставил, — ответил он.

Настоящую полоску из щита он ещё накануне вложил в переплёт книги из библиотеки. А латунную гайку передал Федьке, когда помогал ему добраться до санчасти. Обыск не дал Громову главного.

Вечером наводивший порядок дневальный сообщил, что завтра ночью на производственном участке назначена внеочередная смена. Начало — в одиннадцать сорок.

Виктор посмотрел на часы над дверью. Их стрелки, как и в первый день, спешили на одиннадцать минут.

— В двадцать три сорок? — переспросил он.

Дневальный пожал плечами.

— Так в наряде написано.

Глава восьмая. Сорок минут до полуночи

До ночной смены оставалось десять часов. Для заключённого это было необыкновенно много: можно успеть пообедать, постоять на проверке, вытереть пол, поссориться и помириться, выслушать полдюжины новостей, каждая из которых окажется ложной. Но Виктор ощущал время иначе. Каждая минута приближала его к цифрам, написанным на бумаге рукой человека, которого считали мёртвым.

Сверчка он увидел в санчасти под предлогом починки настольной лампы. Парень лежал на кровати с перевязанным боком и жевал сухарь.

— Ну что, инженер, — приветствовал он Виктора, — меня в экспонаты записали. Посетители ходят, смотрят: редкая птица — болтливый сверчок, пострадавший от собственной песни.

— Ты ложку просил передать.

— Было дело.

Федька вынул из-под матраса ту самую погнутую ложку. Виктор узнал её сразу: алюминиевая, ручка чуть скручена, на чашечке глубокая царапина.

— Разогни, — попросил Федька.

Виктор выпрямил ложку осторожно, чтобы не сломать. Между сложенными половинками ручки лежала крошечная латунная гайка. Та самая, с числом семнадцать.

— Думал, меня станут обыскивать, — объяснил Федька. — А они только били. Гайку не нашли. Ты мне её сунул, ко-

гда тащил в санчасть, а я позже спрятал. Слушай, Витя, тебе эта железка дороже жизни?

— Не знаю пока.

— Тогда может, разберёшься до того, как из нас обоих сделают памятники?

Виктор улыбнулся и пожал ему руку. Федька вдруг притянул его ближе.

— Там, в сарае, я один голос узнал. Клоп. Но бил не он. Он стоял рядом и молчал. Мне кажется, он сам кого-то боится.

Вечером Виктор встретил Клопа у умывальника. Тот торопливо стирал платок и вздрогнул, увидев инженера.

— Что тебе?

— Хочу спросить про Федьку.

— Не знаю я ничего.

— Я не стану тебя обвинять при всех. Скажи только: ночью на семнадцатом участке что-то будут включать?

Клоп отвернулся к воде.

— Не суйся.

— Там люди могут пострадать?

Мужчина резко перекрыл кран.

— Думаешь, я сам по себе такой? У меня брат в другом лагере. Мне сказали, если я буду выполнять просьбы, его не отправят на лесоповал. А теперь отстань.

Виктор впервые увидел в нём не обидчика, а испуганного человека, который слишком давно делает чужие мерзости и уже не знает, как остановиться.

— Я не буду тебя выдавать, — тихо сказал он. — Но если знаешь об опасности, предупреди.

Клоп посмотрел на него с недоверием.

— Там сегодня будут запускать старую линию. Ильич приказал никого к щиту не подпускать. А сам уехал в город, хотя никогда не уезжал на ночь.

— Кто приказал включать?

Клоп не ответил. Он быстро вышел, оставив мокрый платок у раковины.

Ночная смена началась в половине одиннадцатого. Небо было ясным, и звёзды над вышками светили необыкновенно ярко. Заключённых повели в цех по двое. Дыхание белыми клубами поднималось над строем. Кто-то сонно ругался, кто-то шутил, что начальство окончательно перепутало ночь с днём.

Виктор шёл рядом с Петром. Парень рассказывал, как дома перед первым снегом они с матерью замазывали окна глиной, чтобы не дуло. Он говорил с такой любовью, что Виктору самому захотелось увидеть эту маленькую деревню, старую избу и женщину с клубком ниток.

В цехе горела половина ламп. Под брезентом у стены стоял прежде закрытый станок, но теперь брезент сняли. Под ним оказалось не станочное оборудование, а металлический шкаф на колёсах с множеством тонких проводов и тремя круглыми индикаторами на лицевой панели.

Виктор остановился.

Три кружка. Одна горизонтальная линия проходила под ними, соединяя обозначения.

— Это что за установка? — спросил он у дежурного электрика.

— Старьё. Из закрытого участка. Велели проверить питание. И не лезть с вопросами.

Электрик был молод, у него тряслись руки. Он то и дело поглядывал на дверь, за которой дежурил офицер.

Виктор подошёл к распределительному щиту. Его собственный ремонт оставался нетронутым, но рядом кто-то установил новый блок, соединённый проводом со шкафом. На блоке висела бумажная бирка: «Линия 17. Резерв». Ниже красным карандашом было написано: «23:40».

— Кто проверял изоляцию? — спросил Виктор.

— Никто. Сказали, включить по команде.

— Так нельзя.

Электрик испуганно посмотрел на него.

— А мне куда деваться? Приказ.

За воротами послышался автомобиль. Через минуту в цех вошёл Громов, теперь в тёмном костюме без пальто, и остановился возле металлического шкафа. Рядом с ним появился майор. Увидев Виктора, Громов едва заметно улыбнулся.

— А, наш инженер. Всё-таки пригодился.

— Я хочу знать, что вы включаете, — сказал Виктор.

— Проверяем старое оборудование. Не более.

— Провода греются без нагрузки. Там неправильное под-

ключение.

Громов посмотрел на бирку, затем на часы.

— У вас десять минут, чтобы исправить.

Виктор присел у шкафа. Провод под панелью действительно был горячим. Он заметил, что кабель питания уходил не к станкам, а под бетонный пол, в сторону давно запертой кладовой. Кто-то старательно скрывал направление кабеля новой краской и скобами.

Когда часы на стене показали одиннадцать тридцать девять, в цехе погасли лампы.

Ни крика, ни взрыва — только мгновенная тьма. Где-то у дальнего станка упал металлический лист, и звук прокатился под крышей. Заключённые зашумели. Офицер крикнул оставаться на местах.

Виктор на ощупь нашёл рукоятку резервного рубильника. От его корпуса шёл запах палёной резины. Если теперь дать питание, полыхнёт вся связка проводов. Он сорвал пломбу, разомкнул повреждённую цепь и услышал сердитый голос Громова:

— Не трогайте!

Но было поздно. Виктор уже разъединил опасную линию. В тот же миг где-то под полом включился тихий электродвигатель. Шум был низким, ровным, совершенно не похожим на заводские станки.

— Что это? — прошептал молодой электрик.

В темноте медленно загорелся первый круглый индика-

тор. Потом второй. Третий мигнул и остался тёмным.

Громов приблизился к шкафу.

— Выключите это немедленно, — приказал он, и впервые в его голосе прозвучал настоящий страх.

Виктор потянулся к выключателю, но услышал за стеной три отчётливых удара. Один. Пауза. Два коротких. Точно как ночью под его кроватью.

Из тёмной кладовой донёсся слабый шорох, затем щелчок, словно запустили магнитофон.

— Это запись? — спросил кто-то.

Раздался сухой треск. Потом из спрятанного громкоговорителя прозвучал мужской голос, приглушённый помехами, но отчётливо знакомый Виктору:

— Если вы слышите эту запись, значит, они всё-таки запустили контур. Слушайте внимательно. У вас очень мало времени.

Виктор вцепился в край шкафа. Этим голосом Сергей Лавров когда-то читал результаты испытаний, спорил с ним о сроках и сердито требовал принести новые чертежи.

— Лавров… — выдохнул он.

На пороге кладовой возникла тень человека. Громов резко обернулся, но тот, кто стоял за дверью, не сделал ни шага. Только поднял руку к губам, призывая молчать.

И голос из громкоговорителя продолжил:

— Виктор Андреевич, если ты здесь, не доверяй никому, кто скажет, что я умер случайно. И самое главное — не поз-

воляй им включить третий контур.

Третий индикатор на шкафу вдруг вспыхнул красным.

Громов бросился к панели.

А из-за запертой двери, куда уходил кабель, раздался тихий, совершенно человеческий стук.

Глава девятая. За железной дверью

В первые секунды после того, как третий индикатор вспыхнул красным, никто не двинулся. Люди стояли в полутьме, освещённые одной-единственной лампой аварийного света. Из громкоговорителя тянулось сухое шипение, словно кто-то глубоко под полом жарил на сковороде песок.

Потом в кладовой снова постучали.

Три коротких удара, и за ними — тяжёлый скрежет. Виктору показалось, что кто-то поднимает изнутри железную балку.

— Выключить питание! — крикнул Громов.

— Я уже отключил подводящую линию, — ответил Виктор. — Этот шкаф питается откуда-то ещё.

Громов не посмотрел на него. Он подскочил к молодому электрику, вырвал у того фонарь и осветил панель. За узкой щелью под стеклом виднелись три диска: два горели ровным зелёным светом, третий пульсировал красным. От шкафа шёл низкий гул, который чувствовался даже подошвами сапог.

— Назад от двери! — приказал майор.

Но Виктор уже шёл к кладовой. Там был человек. Он не знал, кто именно, однако после записки, исчезнувших инженеров и голоса Лаврова не мог оставить незнакомца за дверью.

— Она заперта? — спросил он.

— Отойдите, Белов! — рявкнул майор.

За дверью закашлялись.

Виктор дёрнул ручку. Ключ находился снаружи, в замке, словно тот, кто стоял внутри, вообще не имел права выходить. Ключ повернулся туго. Дверь распахнулась на ладонь — и упёрлась во что-то тяжёлое.

— Подержи! — крикнул Виктор ближайшему заключённому.

Это оказался Клоп. Он замер, увидев, что инженер обращается к нему, потом молча навалился плечом. Вместе они отжали створку настолько, чтобы пролезть боком.

В помещении пахло горячей краской и мокрым железом. На полу лежал упавший стеллаж. За ним, в узкой нише, сидел мужчина в сером рабочем халате, прижимая ладонь к виску. По лицу текла кровь, а возле ног стояла деревянная катушка с толстой магнитофонной лентой.

— Помогите, — сказал мужчина. — Только осторожно с проводами.

Виктор узнал его не сразу. Лицо было осунувшимся, волосы сильно поредели, под левым глазом виднелся свежий синяк. Но голос он помнил по заводскому коридору.

— Павел Николаевич?.. Сазонов?

Человек поднял глаза. На мгновение в них появилось почти детское удивление.

— Белов? — прошептал он. — Вас всё-таки прислали.

Снаружи раздался приказ Громова:

— Никого не выпускать!

Клоп рванул упавший стеллаж, освобождая проход, и Сазонов смог подняться. Тут из потолка посыпались искры. Один из кабелей ударился о железную полку, раздался хлопок, и по сухой изоляции побежала синяя дорожка пламени.

— На пол! — закричал Виктор.

Он ударил по аварийному рубильнику внутри ниши. Гул не прекратился, но свет третьего индикатора за дверью погас. Сазонов рухнул на колени. Клоп схватил его под мышки, и все трое выползли наружу.

Пламя мгновенно потянулось к деревянной таре. Люди бросились к дверям. Кто-то кричал про пожар, кто-то пытался отыскать ведро с песком. Громов стоял неподвижно, только чёрная папка под его рукой подрагивала.

— Сазонов, — сказал он негромко. — Кто вам разрешил покидать помещение?

— Полка упала, — выдохнул тот. — Я мог сгореть.

— Вас никто не спрашивал.

Виктор шагнул между ними.

— Ему нужен врач.

Громов смерил инженера тяжёлым взглядом.

— А вам, Виктор Андреевич, нужно научиться выполнять приказы.

Майор вызвал дежурный наряд. Сазонова повели к выходу двое людей в форме. Виктор заметил, что они держат его не как больного, а как арестованного. На ходу Сазонов обернулся. Губы его беззвучно шевельнулись.

Виктор не расслышал слова. Только увидел, как Павел Николаевич указал взглядом на собственную левую руку. Она была сжата в кулак.

Пожар погасили быстро. Не успел цех проветриться от дыма, как заключённых построили и объявили, что произошло короткое замыкание. Наутро должны были составить акт, а дежурного электрика — наказать за нарушение правил.

— Не он виноват, — сказал Виктор.

Майор посмотрел на него так, будто запоминал каждую черту лица.

— Вы всё ещё не устали спорить, Белов?

— Я знаю, как загорелся провод. Его соединили неправильно до начала смены.

— Тогда будете давать объяснение.

— Дам.

Виктор произнёс это спокойно, но на душе стало тяжело. Он уже видел, как однажды его объяснения превратились в приговор. И всё же теперь у него был свидетель, которого он считал давно уехавшим в Белоруссию.

По дороге в барак Клоп поравнялся с ним.

— Ты мог меня там оставить, — буркнул он.

— Ты тоже мог не помогать.

— Я не тебе помогал. Человек бы сгорел.

— Вот и я о том же.

Клоп помолчал и неожиданно протянул Виктору спичечную коробку. Внутри лежала маленькая медная пластинка,

почерневшая по краям.

— У Сазонова выпала, когда мы его тащили. Я поднял. Они за ним сразу обыскивать начали. Пускай лучше у тебя будет.

На пластинке были выбиты три кружка и номер «17». Но главное находилось на обратной стороне: еле заметная надпись «НЕ ИСКАТЬ ВХОД. ИСКАТЬ ВЫХОД».

Виктор поднял глаза. Клоп уже ушёл в темноту.

А где-то в административном корпусе, за погашенными окнами, ещё долго горела единственная лампа. Виктор не видел её, но знал: Громов этой ночью тоже не спит.

Глава десятая. Три письма

Утром с Виктора взяли объяснение. За столом сидел капитан Туманов, на подоконнике по-прежнему сохла та самая герань, а напротив лежал чистый лист бумаги. Всё было настолько похоже на первый допрос, что Виктор почти ожидал услышать вопрос о погибшем Лаврове.

Но Туманов спросил другое:

— Вы зачем вмешались в работу аппаратуры, если вам не поручали её обслуживать?

— Чтобы никто не погиб.

— Это ваше мнение.

— Это результат перегрева проводов. Я могу нарисовать схему.

Капитан поморщился.

— Вы всё схемы рисуете. Лучше напишите, что действовали самовольно. Будет проще.

— Кому?

— Всем.

Виктор долго смотрел на пустой лист. Затем аккуратно, разборчиво описал, как обнаружил перегрев, разомкнул цепь и вывел человека из задымлённого помещения. Ни одного лишнего слова о магнитофонной записи и встрече с Сазоновым. Про третью лампочку он тоже промолчал.

Туманов прочитал объяснение дважды.

— Упрямый вы человек, Белов.

— Меня дома жена так же называет.

Капитан неожиданно рассмеялся — один раз, коротко. Потом его лицо снова стало усталым и чужим.

— В таком случае берегите жену, — сказал он. — И не позволяйте ей писать лишнего.

Выйдя из кабинета, Виктор ещё долго слышал эту последнюю фразу. Как будто Туманов, сам того не желая, признал: письма читают не просто по правилам цензуры. Кто-то следит за его семьёй отдельно.

В тот же день в карантинном корпусе объявили санитарную обработку. Заключённых вывели во двор, велели выбить матрасы, вымыть полы и перетряхнуть личные вещи. Федька вернулся из санчасти с синим пятном под глазом и такой важной походкой, словно его там не лечили, а наградили медалью.

— Смотри, — сказал он Виктору, — какие у меня теперь друзья. Медсестра Кузнецова разрешила ещё два дня лёгких работ. А это значит, кто-то другой будет таскать ящики. Красота!

Рябой оглядел его и проворчал:

— Была бы у тебя голова, ты бы её берёг. А так тебе беречь нечего.

— Главное, душа на месте, — ответил Федька.

— Душу на складе не выдают, потому и потерять труднее.

Они засмеялись. Даже Виктору стало немного легче. После ночного пожара этот обычный смех звучал как обещание, что жизнь всё ещё продолжается.

К вечеру дневальный принёс почту. Виктор получил два письма и одну открытку, хотя прежде письма приходили редко. Первое было от жены — короткое, с обычными домашними новостями. Второе, без обратного адреса, содержало только четыре слова: «Ваше дело не закрыто». Подписи не было.

Открытку нарисовала Лена. На ней было большое синее море, хотя дочь никогда не бывала у моря, и маленький парусник с красным флажком. На обороте она написала: «Папа, мы с мамой придумали, что когда ты вернёшься, поедем куда-нибудь далеко. Я хочу увидеть настоящие волны».

Виктор прочитал эти строки три раза. Он вспомнил, как летом они выбирали с дочерью место для отпуска: жена хотела в деревню к матери, Лена — на юг, а он обещал отвезти их к морю, когда закончится сдача испытательного стенда. Потом произошла смерть Лаврова, и вместо моря у его семьи появились следователь, адвокат и восемь лет разлуки.

Виктор положил открытку под рубаху, ближе к груди. Он боялся, что бумага помнётся, но больше боялся оставить её там, где любой обыск может отнять даже воспоминание.

Ночью, когда все улеглись, Федька заметил, что Виктор не спит.

— Про дочь думаешь?

— Да.

— А я вот ни разу в жизни моря не видел. С детства мечтал. В кино показывают — волны такие, будто сама земля

дышит.

Виктор улыбнулся.

— Выйдем отсюда, съездим.

— Ты со своей Леной, я сам по себе. А то ещё решит, что у отца друг ненормальный.

— Она любит смешных людей.

— Тогда подружимся.

Федька отвернулся, но через минуту спросил неожиданно серьёзно:

— Инженер, а если тебе правда срок снимут, ты нас забудешь?

Виктор долго не отвечал. Он почти не знал этих людей месяц назад. Теперь же их голоса, привычки, страхи и нелепые шутки становились частью его собственной жизни.

— Не забуду, — сказал он.

Снизу донеслось тихое:

— Тогда держись, Витя. Только не обманывай. На воле ты никому ничего не должен. А вот здесь слово — единственное, что иногда у человека остаётся.

На рассвете Виктор проснулся от того, что кто-то осторожно постучал по ножке кровати.

У прохода стояла медсестра Кузнецова. Она пришла с врачом на утренний осмотр, но смотрела только на инженера.

— Белов, после завтрака зайдите в санчасть. Лампа у нас опять барахлит.

Виктор кивнул. Кузнецова уже повернулась, но вдруг тихо

добавила:

— И ещё. У меня для вас третье письмо. Его не должны были передавать через почту.

Глава одиннадцатая. Синий конверт

В санчасти было тепло, пахло спиртом, свежими простынями и лекарствами. На подоконнике стояли три горшка с алоэ. Виктор подумал, что даже в местах, устроенных для несвободы, люди всё равно пытаются выращивать что-нибудь живое.

Кузнецова встретила его возле процедурной. Лампа на столе светила ровно и, судя по виду, вовсе не нуждалась в ремонте.

— Садитесь, — сказала медсестра. — И делайте вид, что чините.

Она протянула ему отвёртку и положила на стол старый синий конверт. На нём не было марки. Только слово «Белову».

— Кто передал?

— Человек, которому я вчера меняла повязку. Его привезли после пожара. Сказали, несчастный случай на производстве. А утром уже забрали.

— Сазонов?

— Фамилию я не спросила. Лицо худое, руку обжёг. Он сказал, что вы узнаете почерк. И что больше никто не должен видеть письмо.

Виктор осторожно развернул лист. Текст был написан печатными буквами, будто автор боялся выдать себя привычным росчерком:

«Виктор, ты не должен был оказаться здесь. Нас уверяли,

что тебя отправят в обычную колонию далеко от этого места. Если письмо дошло, значит, у нас ещё есть время. То, что ты видел в цехе, — не установка для выпуска продукции. Её собирали на заводе частями. Каждый участок знал только свою часть. Лавров понял назначение целиком и за это поплатился. Я не знаю, жив ли он сейчас. Прошу тебя лишь об одном: не трогай третий контур, пока не увидишь первоначальный журнал испытаний. Он не в цехе. Архивариус знает, где искать след. П. С.»

Виктор перечитал письмо. Особенно мучили слова «не знаю, жив ли он сейчас». Сазонов не утверждал, что Лавров погиб. Но и не обещал обратного. Значит, мёртвый мастер оставался одновременно самым ясным и самым непонятным человеком в этой истории.

— Он сказал что-нибудь ещё? — спросил Виктор.

— Сказал, что боится не смерти, а того, что всё начнётся снова.

Кузнецова отвернулась к шкафу с лекарствами. У неё дрожали пальцы. Виктор заметил это и наконец понял, что она тоже рискует.

— Зачем вы мне помогаете?

Медсестра немного помолчала.

— А вы помните моего мальчика на фотографии?

— Да. С мячом.

— Это Коля. Ему девять лет. После дежурства я возвращаюсь домой, он бежит навстречу и спрашивает, сколько лю-

дей я сегодня вылечила. Я ему отвечаю, что не всех удаётся. Он не понимает, как это возможно. Я тоже когда-то не понимала.

Она посмотрела на конверт.

— Тот человек боялся. Не за себя. Он всё повторял, что здесь могут пострадать люди, которые не знают даже, в чём участвуют. Я не хочу потом объяснять сыну, почему промолчала.

Виктор сложил лист и спрятал его под рубаху, рядом с дочериной открыткой.

— Спасибо, Вера Ивановна.

— Не благодарите. Просто, если сможете, сделайте так, чтобы у нас больше не появлялись такие больные.

Выйдя из санчасти, Виктор увидел у проходной Рябого. Тот курил под козырьком, укрывая спичку от ветра.

— Идём, инженер. Надо поговорить.

Они прошли к хозяйственному двору, где под навесом сушились мокрые метлы. Рябой долго смотрел на землю, а потом неожиданно сказал:

— Товарищ, которого я не вытащил из пожара, был электриком. Звали его Андрей Сафонов. Это было шесть лет назад. Мы работали на старом участке, который потом закрыли. В тот вечер там проводили какие-то испытания. Нас выгнали из помещения, но Сафонов остался проверить кабель. Потом погас свет. Дверь заклинило. Мы слышали, как он кричит.

Рябой притушил сигарету о подошву сапога.

— Тогда сказали, что он сам нарушил технику безопасности. Его фамилию внесли в акт. А я видел, как перед запуском незнакомый человек приказал заколотить боковой выход. На случай, чтобы никто не мешал.

— Ты кому-нибудь рассказал?

— Рассказал. Начальнику. Потом следователю. Через полгода получил новый срок за драку, которой не было. Старый срок почти кончался, а новый начался. Так я и остался здесь.

Виктор почувствовал, как меняется его отношение к Рябому. Шрам на скуле, суровые правила, привычка держать остальных в повиновении — всё это не оправдывало его жестокость, но теперь Виктор видел за ней чужую невыносимую память.

— Почему ты раньше не сказал?

— А зачем? Ты бы всё равно полез выяснять правду. Такие, как ты, по-другому не умеют.

— Мне Сазонов написал про журнал испытаний. Архивариус должен знать.

Рябой стиснул губы.

— С архивами осторожно. Там бумаги могут оказаться страшнее ножа. И ещё: если пойдёшь к Архивариусу, передай, что обещание моё в силе.

— Какое обещание?

— Он поймёт.

В тот вечер Виктор снова поднялся в библиотеку. Семён

Аркадьевич сидел у окна, читал «Войну и мир» и то и дело смотрел на лестницу, словно ожидал не читателя, а известия.

— Рябой просил передать, что обещание в силе, — сказал Виктор.

Архивариус закрыл книгу. На его лице отразилось такое облегчение, что он вдруг показался значительно моложе.

— Значит, он решился. Хорошо. Тогда завтра придётся открыть то, что мы с ним прятали шесть лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.